

## СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА ПЕРЕХОДНОЙ ОТ ЛЕСОСТЕПИ К ТАЙГЕ ПРИРОДНОЙ ЗОНЫ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

На типических материалах Томской губернской сельскохозяйственной переписи 1901 г. определяются экономический строй и степень включенности в общероссийский аграрный рынок крестьянского хозяйства притаежной пригородной зоны Томского уезда на рубеже XIX–XX в. Удалось выяснить, что на 1901 г. земледельческое хозяйство пригородной зоны продолжало развиваться в составе местного западносибирского мелкотоварного рынка. Это позволило построить модель крестьянского хозяйства, включенного в региональный мелкотоварный рынок.

**Ключевые слова:** крестьянское хозяйство Сибири; экономический строй; мелкотоварный рынок; аграрно-капиталистический рынок.

На рубеже XIX–XX в. с проведением Сибирской железной дороги мелкотоварное крестьянское хозяйство Западной Сибири, развивавшееся прежде в рамках местного, регионального рынка, стало интенсивно включаться в систему общероссийских аграрно-рыночных отношений. Этот процесс происходил в различных природно-экономических зонах западносибирского края одновременно, что обуславливалось сроком включения той или иной территории в зону влияния эксплуатируемых участков Транссибирской магистрали, ее удаленностью от железной дороги, а также уровнем товарно-рыночного развития и местом земледельческого хозяйства данной территории в системе мелкотоварного сибирского рынка конца XIX в. Значительный интерес в этой связи представляет последовательность вхождения сельского хозяйства различных природно-экономических территорий западносибирского края в общероссийские рыночные отношения. Первым во всероссийский аграрно-капиталистический рынок вошло крестьянское хозяйство лесостепной зоны юга Западной Сибири, включая левобережье Оби (в 1898–1898 гг.). Затем включились аграрные районы правобережья Оби, в которое входили земли Томского и Мариинского уездов Томской губернии (в 1898–1899 гг.). Главную роль здесь играло крестьянское хозяйство, расположенное в основном в переходной от лесостепи к тайге природной зоне Томской губернии. В экономике земледельческого хозяйства подтаежной (переходной) зоны Томского и Мариинского уездов преобладали экстенсивное зерновое хозяйство и мясомолочное скотоводство. Широкое распространение получили натуральные промыслы. Товарное производство земледельческого хозяйства данного региона в 70–90-е гг. XIX в. целиком обслуживало местный рынок сельскохозяйственной продукции: транспортно-хозяйственный комплекс Московского тракта, городское население Томска, Новониколаевска, Мариинска и предприятия винокуренной и горнорудной промышленности. Таким образом, изучение деревенской экономики переходной подтаежной зоны позволит выявить особенности интеграции в общероссийский рынок рубежа XIX–XX в. сугубо местного аграрного района и определить внутренний строй и уровень товарно-денежного развития крестьянского хозяйства, про-

должавшего после запуска в эксплуатацию всего участка Западносибирской железной дороги некоторое переходное время функционировать в системе прежнего регионального мелкотоварного рынка.

Открывающиеся исследовательские направления стали предметом настоящей работы. Она представляет собой попытку, основываясь на статистических материалах по сельскому хозяйству переходной – от лесостепи к тайге – природно-географической зоны Томского уезда рубежа XIX–XX в., определить экономический характер внутренней структуры крестьянского хозяйства и оценить степень его вовлеченности в товарно-рыночные отношения. Эта проблема в целом получила в советской и современной литературе достаточно широкое освещение в общесибирском плане на основе главным образом данных по самым широким – лесостепной и степной – природным зонам. Другие природно-экономические районы, включая переходную зону, практически не рассматривались. Обойден вниманием исследователей и рубежный период с 1897 по 1904 г., в который произошло вхождение земледельческого хозяйства Западной Сибири в общероссийский аграрно-капиталистический рынок [1–10].

Крестьянское хозяйство являлось социально-культурной и экономической системой. Поэтому его необходимо рассматривать целостно-системно как структуру взаимосвязанных социальных и производственно-технических компонентов: населения, семейной рабочей силы, рабочего и продуктивного скота и посевов [11; 12. С. 159–168; 13]. Системный подход реализуется в настоящей работе на основе корреляционного метода. Корреляционная методика измеряет силу взаимосвязей между хозяйственными компонентами. В корреляционном анализе наиболее простым и эффективным методом измерения сил взаимосвязей между элементами крестьянского хозяйства является парный линейный коэффициент. Парный коэффициент корреляции изменяется в пределах от  $-1$  до  $+1$ . Если коэффициент равен или близок  $0$ , это свидетельствует о том, что между хозяйственными компонентами нет связи. Коэффициент величиной  $-1$  или  $+1$  показывает наличие полной функциональной связи. Знак « $+$ » указывает на то, что связь носит прямой характер. Отрицательная связь свидетельствует об обратной зависимости

между признаками. Величина парного коэффициента до 0,4 указывает на слабую связь, коэффициент от 0,4 до 0,7 считается средним по силе, от 0,7 до 1,0 указывает на очень сильную связь. На основе матрицы подсчитанных линейных коэффициентов взаимосвязей между существенными признаками (компонентами) формируется корреляционная модель внутреннего строя сельскохозяйственного хозяйства [13. С. 137–168].

В качестве источниковой базы исследования избраны подворные материалы Томской общегубернской сельскохозяйственной переписи 1901 г. [14]. Для работы с ними, с целью подготовить изучение крестьянского хозяйства подтаежной зоны, необходимо прежде всего выбрать типическую волость. Она отобрана на основе опубликованных поволостных данных Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. [16. С. 1–2, 142–161, 184–195, 196–205]. В ходе осуществления типической выборки за основу для расчетов были взяты данные Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. по переходной от лесостепи к тайге естественно-географической зоны Томской губернии. В пределы этой зоны, в которой располагались 82 945 крестьянских дворов, входили 18-й район Томского уезда и 21-й район Мариинского уезда. В качестве объекта типической выборки был избран более широкий 18-й район, который включал в себя 53 651 хозяйство.

В 18-м районе по волостным материалам переписи 1916 г. как наиболее типичная была отобрана Ояшинская волость, расположенная севернее Московского тракта и Сибирской железной дороги, в междуречье Оби и Томи [16. С. 1–2, 142–161, 184–205].

В Ояшинской волости Томского уезда по данным подворных переписей 1901 и 1916 гг. числились 39

сел и деревень: Каменская, Ояшинская, Балтинская, Верх-Балтинская, Воронова, Кривояшинская, Чебулинская, Варюхинское, Смокотино, Мошнинское, Кафтанчиково, Кандинская, Калтайская, Алаево, Ларинское, Сурановское, Коневское, Вершинино, Ярское, Дубровинское, Бибеево, Бозойская, Умревинское, Ташара, Зеледеевское, Просоково, Болотинское, Зудово, Киряково, Верх-Елбакское, Карасевская, Елбак, Ново-Поросское, Поросское [16. С. 142–161, 184–205].

На 1901 г. в Ояшинской волости Томской губернии насчитывалось 2 370 хозяйств, 11 940 душ обоого пола, в том числе 6 273 семейных работника обоого пола. В крестьянских хозяйствах волости было 9 510 рабочих лошадей, 7 534 коров и 8 091 дес. посева, в которых преобладали посевы ржи (1 486 дес.), овса (2 071 дес.), яровой пшеницы (1 459 дес.) [15. Д. 1293–1331].

Крестьянские хозяйства Ояшинской волости обслуживали местный рынок. В целом преобладала широкая сельскохозяйственно-скотоводческая специализация. Небольшое число деревень, расположенных на лесистых, малопашенных территориях, имели скотоводческое направление, характерное для чисто таежной природной зоны. В связи с утвердившимися в переходной зоне направлениями рыночной специализации автором настоящей работы были отобраны типические сельскохозяйственные и скотоводческие группы сёл – примерно на 200 дворов в каждой. В сельскохозяйственную выборку дворов попали деревни Балтинская и Ново-Поросское – всего 180 хозяйств; в скотоводческую – деревни Ташара и Дубровинское: всего 206 дворов [Там же. Д. 1294, 1308, 1314, 1331].

Т а б л и ц а 1

**Подушечные размеры крестьянских хозяйств Ояшинской волости  
земледельческой и животноводческой специализаций (в расчете на 1 душу)**

Показатель	Хозяйств	Всего душ	Семейные работники	Рабочие лошади	Весь посев	Коровы
Специализация земледельческо-скотоводческая	183	1 080	0,53	0,9	1,0	0,9
Специализация скотоводческая	206	952	0,5	0,8	0,3	0,8
В целом по волости	2 370	11 940	0,5	0,8	0,7	0,6

Средние подушечные показатели уровня и рыночной специализации отобранных групп крестьянских хозяйств земледельческо-скотоводческой и скотоводческой направленности отображены в табл. 1. Они ярко свидетельствуют о комбинированной – зерновой и животноводческой – специализации дворов земледельческой выборки и чисто животноводческой направленности хозяйств скотоводческой выборки. Крестьянские хозяйства земледельческо-скотоводческой специализации в расчете на 1 душу имели весь посев 1,0 дес., в то время как крестьянские хозяйства скотоводческой специализации имели посева всего 0,3 дес.

Таким образом, хозяйства земледельческо-скотоводческой специализации имели посев в 3,3 раза больше, чем хозяйства скотоводческой специализации. Число рабочих лошадей в расчете на 1 душу было примерно равным: в хозяйствах земледельческо-

скотоводческой специализации – 0,9; во дворах животноводческой специализации – 0,8.

После типологической выборки необходимо провести социально-экономическую группировку дворов. Хозяйства земледельческой специализации были разделены на четыре посевные группы: I группа – беспосевные; II группа – 0,1–4 дес.; III – 4,1–7,9 дес.; IV группа – 8 и более дес. Крестьянские дворы скотоводческой специализации соответственно разделены по числу коров на четыре следующие группы: бескоровные; с 1–2 коровами; с 3–4 коровами; с 5 и более коровами. Сформированные группы хозяйств были подвергнуты общестатистическому и корреляционному анализу.

Прежде, опираясь на полученные подушечные данные, оценим общее состояние крестьянских дворов в различных группах (см. табл. 2, 3).

В хозяйствах земледельческой специализации (табл. 2) четко прослеживается рост экономической силы

крестьянских хозяйств при увеличении посевных площадей. В зажиточных земельческих хозяйствах IV группы обеспеченность рабочими лошадьми была в 2,4 раза больше, чем у бедной II группы (1,7 против 0,7 гол.).

По коровам богатая IV группа превосходила малообеспеченную II группу в 2,6 раза (1,8 гол. против 0,7) [15. Д. 1294. Л. 4; Д. 1308. Л. 5; Д. 1314. Л. 6; Д. 1331. Л. 7].

Таблица 2

Уровень крестьянского хозяйства сельскохозяйственной специализации в различных социальных группах

Показатель (в расчёте на 1 душу)	Группа хозяйств с посевом, дес.				Хозяйства в целом
	0	0,1–4	4,1–7,9	8 и более	
	I	II	III	IV	
Семейные работники, чел.	0,56	0,62	0,52	0,55	0,56
Рабочий скот, гол.	0,5	0,7	1,1	1,7	1,1
Коровы, гол.	0,5	0,6	1,0	1,6	1,0
Продуктивный скот, гол.	0,5	0,7	1,2	1,8	1,0
Весь посев, дес.	–	0,6	1,2	1,8	1,1
Число дворов в группе	15	59	59	50	183
Доля дворов в группе, %	8,3	32,2	32,2	27,3	100

Таблица 3

Уровень крестьянского хозяйства скотоводческой специализации в различных социальных группах

Показатель (в расчёте на 1 душу)	Группа хозяйств с количеством коров, гол.				Хозяйства в целом
	0	1–2	3–4	5 и более	
	I	II	III	IV	
Семейные работники, чел.	0,54	0,55	0,58	0,62	0,57
Рабочий скот, гол.	0,4	0,6	0,9	1,4	0,9
Коровы, гол.	–	0,4	0,9	1,9	0,9
Продуктивный скот, гол.	–	0,5	1,1	2,1	0,9
Весь посев, дес.	0,1	0,3	0,4	0,4	0,3
Число дворов в группе	19	86	50	51	206
Доля дворов в группе, %	9,2	41,7	24,3	24,8	100

Уровень развития крестьянских хозяйств скотоводческой специализации (табл. 3) также имел большие различия. Зажиточная IV группа превышала по душевому количеству рабочего скота II группу в 2,3 раза. По посеву бедные дворы I и II групп уступали IV группе в 2 раза (0,2 дес. против 0,4).

Особенно ярко об экономической дифференциации сравниваемых групп зажиточных и бедных дворов свидетельствуют резкие различия в обеспеченности средствами производства в товарных отраслях хозяйства: по посевам в зерновой специализации – 3 раза и по коровам в скотоводческой специализации – 4,7 раза.

В изученных материалах в большей степени представлена рыночная предпринимательская деятельность зажиточного крестьянства. Товарные отношения во дворах бедняков и середняков прослеживаются значительно хуже. Для более обстоятельного анализа развития товарно-денежных отношений во всех социальных слоях обратимся к результатам корреляционного анализа рассматриваемых сведений сельскохозяйственной переписи 1901 г. по переходной зоне.

Прежде рассмотрим данные о корреляционных коэффициентах, показывающих взаимосвязи между компонентами структуры крестьянских хозяйств зерновой специализации (табл. 4).

Таблица 4

Взаимосвязи уровня производства (всего посева на 1 душу) с основными компонентами крестьянского хозяйства зерновой специализации (коэффициент корреляции)

Показатель	Группа хозяйств с посевом, дес.			Хозяйства в целом
	0,1–4	4,1–7,9	8 и более	
	II	III	IV	
Размеры семьи, чел.	–50	–92	–70	–17
Рабочего скота на 1 двор, гол.	0	0	29	53
Продуктивного скота на 1 двор, гол.	17	10	42	59
Всего посева на 1 двор, дес.	67	22	54	81
Семейных работников на 1 душу	40	34	09	13
Рабочего скота на 1 душу, гол.	28	57	66	62
Продуктивного скота на 1 душу, гол.	38	58	69	68
Всего посева на 1 семейного работника	84	66	80	89
Рабочего скота на 1 семейного работника, гол.	17	35	57	58
Продуктивного скота на работника	31	41	63	65
Семейных работников на 1 гол. рабочего скота	–10	–40	–57	–52

Как следует из данных табл. 4, взаимосвязи уровня производства с другими экономическими показателями имеют достаточно высокий уровень. В зажиточной IV группе коэффициенты корреляции душе-

вого посева с рабочим продуктивным скотом на 1 душу составляют 0,66 и 0,69 соответственно. В средней III группе – 0,57 и 0,58. Это свидетельствует о довольно высокой степени втянутости богатых и

средних дворов в товарно-денежные отношения мелкотоварного типа.

Земледельческое хозяйство в целом, как и дворы средних и зажиточных крестьян, имело довольно высокие значения корреляции уровня производства с душевыми показателями рабочего и продуктивного скота: 0,62 и 0,68. Это указывает на ведущую роль богатой и середняцкой групп в рыночном хозяйствовании.

Далее обратимся к корреляционной структуре крестьянских хозяйств животноводческой специализации (табл. 5). Взаимосвязь уровня производства (продуктивного скота на 1 душу – с посевом и рабочим ско-

том в расчете на 1 душу) у скотоводческих дворов во всех группах очень высокая: во II – 0,38 и 0,66; в III – 0,58 и 0,72; в IV – 0,69 и 0,84; в целом – 0,68 и 0,79. Это говорит об очень высокой степени втянутости практически всех групп животноводческих хозяйств в товарно-денежные отношения. Высокая рыночная активность дворов данной специализации была связана с очень благоприятной общероссийской конъюнктурой на сибирское мясо, сложившейся в результате введения в эксплуатацию западносибирского участка Транссибирской железнодорожной магистрали [9. С. 283–284, 285–286; 18. С. 84, 88].

Таблица 5

**Взаимосвязи уровня производства (продуктивного скота на 1 душу) с основными компонентами крестьянского хозяйства скотоводческой специализации (коэффициент корреляции 0...)**

Показатель	Группа хозяйств с количеством коров, гол.			Хозяйства в целом
	1–2	3–4	5 и более	
	II	III	IV	
Размеры семьи, чел.	–47	–55	–29	–20
Рабочего скота на 1 двор, гол.	33	42	67	63
Продуктивного скота на 1 двор, гол.	65	76	88	85
Всего посева на 1 двор, дес.	08	23	67	55
Семейных работников на 1 душу	20	34	–04	09
Рабочего скота на 1 душу, гол.	66	72	84	79
Всего посева на 1 душу, дес.	38	58	69	68
Рабочего скота на 1 семейного работника, гол.	51	47	76	69
Семейных работников на 1 гол. рабочего скота	–42	–42	–76	–64
Семейных работников на 1 гол. продуктивного скота	–85	–78	–88	–88

Таким образом, приведенные аналитические данные ярко показывают ускорение процесса вовлечения крестьянских хозяйств переходной (от лесостепи к тайге) зоны на рубеже XIX–XX вв. в современные рыночно-капиталистические отношения. Сущность данного процесса заключалась во включении местного (пригородного) сельскохозяйственного мелкотоварного рынка в состав всероссийского аграрно-капиталистического рынка. Интеграция местного мелкотоварного рынка осуществлялась путем распространения на территорию его функционирования закономерностей капиталистического рынка, при господстве которых регулятором рыночных отношений выступали цены производства. Практически же это происходило путем расширения товарного производства в крестьянском хозяйстве и распространения его продукции на территорию Урала и Европейской России. В переходной подтаежной зоне первыми в данный процесс вошли все скотоводческие хозяйства, включая бедняков. На это твердо указывают очень высокие коэффициенты корреляции: от 0,6 до 0,8. Несколько позже и более низкими темпами на нужды зауральского мясного рынка также переключились зажиточные и середняцкие дворы земледельческой специализации, сохраняя при этом ведущие позиции на местном (мелкотоварном) хлебном рынке. Бедные крестьяне, имея очень мало товарного мясного скота, в поставках животноводческой продукции в Европейскую Россию практически не участвовали.

Процесс включения крестьянского хозяйства переходной – от лесостепи к тайге – природной зоны

Томского и Мариинского уездов в состав всероссийского аграрно-капиталистического рынка на 1901 г. еще не завершился. Критерием полной интеграции экономики деревни в капиталистическую систему хозяйствования, как показали исследования П.Ф. Никулина, является формирование во внутреннем строе земледельческого хозяйства рыночно-капиталистической подсистемы. Главным показателем ее сформированности можно считать высокую степень корреляции (0,7 и выше) между посевом, рабочими лошадьми и продуктивным скотом в расчете на 1 дес. посева или на 1 голову скота, отражающими фондовооруженность крестьянского хозяйства [9. С. 172–175; 19. С. 107–109; 20. С. 79–80, 81].

Согласно полученным в настоящей работе результатам уровень корреляции между показателями фондовооруженности крестьянского хозяйства подтаежной зоны имеет значение в пределах от 0,55 до 0,62, в зажиточном хозяйстве – от 0,62 до 0,65. Это позволяет твердо констатировать, что на рубеже XIX–XX вв. крестьянское хозяйство переходной зоны Томского и Мариинского уездов продолжало функционировать в условиях преобладания местного мелкотоварного рынка. Следовательно, во всех социальных группах крестьянских дворов внутренний экономический строй имел мелкотоварный характер. Вместе с тем интенсивная рыночно-капиталистическая деятельность и сосредоточение товарного производства в мелкотоварных зажиточных хозяйствах на рубеже XIX–XX вв. положило начало формированию предпринимательского направления хозяйствования.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Складов Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы Столыпинской аграрной реформы. Л., 1962.

2. Степанин В.А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962.
3. Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966.
4. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Конец XIX – начало XX в. Новосибирск, 1967.
5. Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976.
6. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л., 1968. Т. 3 : Сибирь в эпоху капитализма.
7. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983.
8. Ильиных В.А. Крестьянское хозяйство Сибири (конец 1880-х – начало 1940-х годов): тенденции и этапы развития // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке: проблемы изучения. Новосибирск, 1999. С. 33–76.
9. Никулин П.Ф. Экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. Томск, 2009.
10. Разгон В.Н., Храмов А.А., Пожарская К.А. Столыпинская аграрная реформа и Алтай. Барнаул, 2010.
11. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973.
12. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987.
13. Количественные методы в исторических исследованиях. М., 1984. Гл. 6.
14. Никулин П.Ф. Материалы сельскохозяйственной переписи 1901 г. как источник для изучения крестьянского хозяйства Западной Сибири конца XIX – начала XX вв. // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 307. С. 77–79.
15. Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 44.
16. Алтайско-Томская часть Сибири по данным сельскохозяйственной переписи 1916 г. Материалы сельскохозяйственной переписи 1916 г., собранные и разработанные под руководством В.Я. Нагнибеда. Томск, 1927.
17. Государственный архив Алтайского края. Ф. 4. Оп. 1.
18. Никулин П.Ф. Воспроизводство крестьянского хозяйства Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 313. С. 83–89.
19. Никулин П.Ф. Товарно-денежная система хозяйствования в западносибирской деревни начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 296. С. 105–111.
20. Никулин П.Ф. О возможностях методики многомерного факторного анализа внутреннего экономического строя крестьянского хозяйства Сибири рубежа XIX–XX вв. // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 361. С. 77–82.

Статья представлена научной редакцией «История» 12 сентября 2015 г.

## THE SOCIO-ECONOMIC STRUCTURE OF PEASANT ECONOMY IN TRANSITION FROM THE FOREST STEPPE TO THE BOREAL FOREST NATURAL AREA OF TOMSK PROVINCE AT THE TURN OF THE 19TH AND 20TH CENTURIES

*Tomsk State University Journal*, 2016, 402, 23–28. DOI: 10.17223/15617793/402/4

Antonova Evgenia K. Gymnasium 1 (Strezhevoy, Russian Federation). E-mail: antonovatomsk@gmail.com

**Keywords:** Siberian peasant economy; economic system; small commodity market; agro-capitalist market.

At the turn of the 19th and 20th centuries, with the construction of the Siberian railway, the small-scale peasant economy of Western Siberia, which earlier developed within the local, regional market, was intensely included in the all-Russian agro-market relations. This process occurred in a variety of natural and economic areas of the West Siberian Region at different times. In this regard, of considerable interest is the involvement of peasant economies, located in transition from the forest steppe to the boreal forest natural area of Tomsk Province and having a local suburban value, in the All-Russian agricultural market. The research of this involvement will clarify the features of the integration of purely local agricultural area into the Russian market of the 19th and 20th centuries, and determine the internal structure and the level of commodity-money development of the local agricultural economies. Farms of the steppe zone of the south of Western Siberia and of the left bank of the Ob first entered the All-Russian agricultural capitalist market. The right bank of the Ob, i.e. lands of Mariinsk and Tomsk counties of Tomsk Province entered the all-Russian market later. The economy of the peasant agricultural farms of the subtaiga (transition) area of Tomsk and Mariinsk uyezds was set for meat and dairy farming, with a predominance of extensive grain farming. Farms of the region satisfied the local market in Tomsk and Novonikolaevsk in the 1870–1890-ies. The study is based on the sources from typical homestead materials of Tomsk Governorate Agricultural Census of 1901 in Oyashinskaya volost of Tomsk uезд. The study showed the acceleration of the process of involving farms of the transition (from the forest to the taiga) zone in the late 19th and early 20th centuries into the market capitalist relations. But the process had not yet been completed by 1901. It allows to state firmly that, at the turn of the 19th and 20th centuries, the peasant economy of the transition zone of Tomsk and the Mariinsk uyezds continued to operate in the conditions of the predominance of small-scale local market. Therefore, in all social groups of peasant households, the inner economic structure was that of small commodity. At the same time, the concentration of commodity production in small-scale wealthy farms at the turn of the 19th and 20th centuries initiated the formation of the business areas of farming.

## REFERENCES

1. Sklyarov, L.F. (1962) *Pereselenie i zemleustroystvo v Sibiri v gody Stolypinskoy agrarnoy reformy* [Resettlement and land management in Siberia in the years of the Stolypin agrarian reform]. Leningrad: Leningrad State University.
2. Stepynin, V.A. (1962) *Kolonizatsiya Eniseyskoy gubernii v epokhu kapitalizma* [Colonization of Yenisei Province in the era of capitalism]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical Institute.
3. Tyukavkin, V.G. (1966) *Sibirskaya derevnya nakanune Otktyabrya* [The Siberian village on the eve of the October Revolution]. Irkutsk Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izd-vo.
4. Goryushkin, L.M. (1967) *Sibirskoe krest'yanstvo na rubezhe dvukh vekov. Konets XIX – nachalo XX v.* [Siberian peasants at the turn of the centuries]. Novosibirsk: Nauka.
5. Goryushkin, L.M. (1976) *Agrarnye otnosheniya v Sibiri perioda imperializma (1900–1917 gg.)* [Agrarian relations in Siberia in the period of imperialism (1900–1917)]. Novosibirsk: Nauka.
6. Okladnikov, A.P. (ed.) *Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [The History of Siberia since ancient times to the present day]. V. 3. Leningrad: Nauka.
7. Goryushkin, L.M. (ed.) (1983) *Krest'yanstvo Sibiri v epokhu kapitalizma* [Siberian peasantry in the epoch of capitalism]. Novosibirsk: Nauka.
8. Il'inykh, V.A. (1999) *Krest'yanskoe khozyaystvo Sibiri (konets 1880-kh – nachalo 1940-kh godov): tendentsii i etapy razvitiya* [Peasant economies in Siberia (the end of the 1880s – early 1940s): Trends and development stages]. In: Il'inykh, V.A. (ed.) *Krest'yanskaya sem'ya i dvor v Sibiri v*

*XX veke: problemy izucheniya* [The peasant family and household in Siberia in the twentieth century: the problem of study]. Novosibirsk: SB RAS.

9. Nikulin, P.F. (2009) *Ekonomicheskiy stroy krest'yanskogo khozyaystva Zapadnoy Sibiri nachala XX v.* [The economic structure of peasant economy of Western Siberia of the early twentieth century]. Tomsk: TML-Press.
10. Razgon, V.N., Khramkov, A.A. & Pozharskaya, K.A. (2010) *Stolypinskaya agrarnaya reforma i Altay* [The Stolypin agrarian reform and Altai]. Barnaul: Altai State University.
11. Blauberger, I.V. & Yudin, E.G. (1973) *Stanovlenie i sushchnost' sistemnogo podkhoda* [Formation and nature of the system approach]. Moscow: Nauka.
12. Koval'chenko, I.D. (1987) *Metody istoricheskogo issledovaniya* [The methods of historical research]. Moscow: Nauka.
13. Koval'chenko, I.D. (ed.) (1984) *Kolichestvennye metody v istoricheskikh issledovaniyakh* [Quantitative methods in historical research]. Moscow: Vysshaya shkola.
14. Nikulin, P.F. (2008) Materialy sel'skokhozyaystvennoy perepisi 1901 g. kak istochnik dlya izucheniya krest'yanskogo khozyaystva Zapadnoy Sibiri kontsa XIX – nachala XX vv. [Materials of the agricultural census of 1901 as a source for the study of peasant farming in Western Siberia in late 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 307. pp. 77–79.
15. State Archive of Tomsk Oblast. Fund 3. List 44.
16. Nagnibed, V. Ya. (1927) *Altaysko-Tomskaya chast' Sibiri po dannym sel'skokhozyaystvennoy perepisi 1916 g. Materialy sel'skokhozyaystvennoy perepisi 1916 g., sobrannye i razrabotannye pod rukovodstvom V.Ya. Nagnibeda* [Altai and Tomsk part of Siberia according to the Census of Agriculture of 1916. Materials of the agricultural census of 1916 collected and developed under the leadership of V.Ya. Nagnibed]. Tomsk.
17. State Archive of Altai Krai. Fund 4. List 1.
18. Nikulin, P.F. (2008) Vospriizvodstvo krest'yanskogo khozyaystva Zapadnoy Sibiri na rubezhe XIX–XX vv. [The reproduction of the peasant economy of Western Siberia in the 19th – 20th centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 313. pp. 83–89.
19. Nikulin, P.F. (2007) Tovarno-denezhnaya sistema khozyaystvovaniya v zapadnosibirskoy derevni nachala XX v. [The commodity-money system of management in the West Siberian village of the early twentieth century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 296. pp. 105–111.
20. Nikulin, P.F. (2012) On potential of multidimensional factor analysis of peasant household's economic system in Siberia in late 19 – early 20 centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 361. pp. 77–82. (In Russian).

Received: 12 September 2015